HTTPS://DOI.ORG/10.63546/3005-2246.2026.14.2.037

УДК 343.846
МРНТИ 10.83.21

ШАЯХМЕТОВА Жанна Бекполовна*
Заң ғылымдарының кандидаты, Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті Қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының доценті

ДЮСЕБАЛИЕВА Соледад Сагиновна
Заң ғылымдарының кандидаты, Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті Қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры

БЕКБАУОВА Асель Айдархановна
«Туран» университетінің докторанты, заң ғылымдарының магистрі

МЕРЗІМІНЕН БҰРЫН ШАРТТЫ ТҮРДЕ БОСАТУ РӘСІМДЕРІНДЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІ ҚОЛДАНУ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНА АРНАЛҒАН СТАНДАРТТАР

Аңдатпа. Адам бостандығы туралы шешімді алгоритмге беру мүмкін емес. Бұл тезис Қазақстан Республикасында шартты түрде мерзімінен бұрын босату рәсімдерінде жасанды интеллекті қолданудың нормативтік олқылықтарын сыни талдауға арналған осы зерттеудің негізінде жатыр. Тақырыптың өзектілігі Қазақстанның шартты түрде мерзімінен бұрын босату саласындағы алгоритмдік құралдарды арнайы құқықтық реттеу болмаған кезде цифрлық сот төрелігі инфрақұрылымын дәйекті түрде дамытып отырғанымен айқындалады. Ал осы саладағы халықаралық стандарттар кейінгі екі жылда түбегейлі өзгерді. 2024/1689 регламентін (ЕО), Еуропа Кеңесінің 2024 жылғы ЖИ туралы негіздемелік конвенциясын және Қазақстан заңнамасын салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде авторлар үш қағидатты реттеушілік алшақтықты белгілейді: шартты түрде мерзімінен бұрын босатуға қатысты жоғары тәуекелді ЖИ-жүйелерінің құқықтық біліктілігінің болмауы. Адамның қадағалауын талап етудің декларативтілігі, оны іс жүргізу операцияларынсыз және кемсітушілік орын ауыстыруларға деректердің тәуелсіз аудит тетіктерінің болмауы. Алғаш рет отандық доктринада «дискрецияны қайта бөлу» тұжырымдамасы негізделді – нақты өкілеттіктерді соттан нақты құқық қолдану шешімі үшін іс жүргізу жауапкершілігі жоқ алгоритмдік модельдерді жасаушыларға жасырын түрде ауыстыру. Финдік және испандық зерттеулердің эмпирикалық деректері алгоритмдік іріктеу дәлдігінің басымдығы туралы тезисті жоққа шығарады: шартты түрде мерзімінен бұрын босатудың тиімділігі пенитенциардан кейінгі сүйемелдеу сапасымен анықталады. Авторлар тек автоматтандырылған деректерді өңдеу негізінде шартты түрде мерзімінен бұрын босату туралы шешім қабылдауға тікелей заңнамалық тыйым салуды негіздейді және қайталануды болжаудан пробация бағдарламаларын жекелендіруге ЖИ мүмкіндіктерін қайта бағыттауды ұсынады.

Түйін сөздер: алгоритмдік тәуекелді бағалау, шартты түрде мерзімінен бұрын босату, қылмыстық сот төрелігіндегі жасанды интеллект, адамның бақылауы, дискрецияны қайта бөлу, қылмыстық-атқару құқығы, алгоритмдік шешім қабылдау.

* *Автор для корреспонденции: e-mail: jan68@inbox.ru*

ШАЯХМЕТОВА Жанна Бекполовна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Атырауский университет имени Х.Досмухамедова

ДЮСЕБАЛИЕВА Соледад Сагиновна
Кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Атырауский университет имени Х.Досмухамедова

БЕКБАУОВА Асель Айдархановна
Докторант Университета «Туран», магистр юридических наук

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕДУРАХ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ: СТАНДАРТЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Решение о свободе человека не может быть делегировано алгоритму. Этот тезис лежит в основе настоящего исследования, посвященного критическому анализу нормативных пробелов применения искусственного интеллекта в процедурах условно-досрочного освобождения в Республике Казахстан. Актуальность темы определяется тем, что Казахстан последовательно развивает инфраструктуру цифрового правосудия в отсутствие специального правового регулирования алгоритмических инструментов в сфере условно-досрочного освобождения, тогда как международные стандарты в этой области за последние два года кардинально изменились. На основе сравнительно-правового анализа Регламента (ЕС) 2024/1689, Рамочной конвенции Совета Европы об ИИ 2024 года и казахстанского законодательства авторы устанавливают три принципиальных регуляторных разрыва: отсутствие правовой квалификации ИИ-систем высокого риска применительно к условно-досрочному освобождению, декларативность требования человеческого надзора без его процессуальной операционализации и отсутствие механизмов независимого аудита данных на дискриминационные смещения. Впервые в отечественной доктрине обоснована концепция «перераспределения дискреции» – латентного смещения фактических полномочий от суда к разработчикам алгоритмических моделей, которые не несут процессуальной ответственности за конкретное правоприменительное решение. Эмпирические данные финских и испанских исследований опровергают тезис о приоритете точности алгоритмического отбора: эффективность условно-досрочного освобождения определяется качеством постпенитенциарного сопровождения. Авторы обосновывают прямой законодательный запрет принятия решений об условно-досрочном освобождении исключительно на основе автоматизированной обработки данных и предлагают переориентировать ИИ с прогнозирования рецидива на персонализацию программ пробации.

Ключевые слова: алгоритмическая оценка риска, условно-досрочное освобождение, искусственный интеллект в уголовном правосудии, человеческий контроль, перераспределение дискреции, уголовно-исполнительное право, алгоритмическое принятие решений.

SHAYAKHMETOVA Zhanna Bekpolovna
Candidate of law, associate Professor
of the Department of criminal legal disciplines,
Kh.Dosmukhamedov Atyrau University

DYUSSEBALIYEVA Soledad Saginovna
Candidate of law, Professor of the Department of criminal
legal disciplines, Kh.Dosmukhamedov Atyrau University

BEKBAUOVA Asel Aidarkhanovna
Doctoral student of Turan University, Master of Law

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PAROLE PROCEDURES: STANDARDS FOR THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation. The decision on a person's freedom cannot be delegated to an algorithm. This thesis forms the basis of the present study, which is devoted to a critical analysis of the regulatory gaps in the application of artificial intelligence in the procedures of conditional release in the Republic of Kazakh-stan. The relevance of the topic is determined by the fact that Kazakhstan is consistently developing the digital justice infrastructure in the absence of special legal regulation of algorithmic tools in the field of conditional release, while international standards in this area have changed dramatically over the past two years. Based on a comparative legal analysis of Regulation (EU) 2024/1689, the 2024 Council of Europe Framework Convention on AI, and Kazakhstani legislation, the authors identify three fundamental regulatory gaps: the lack of legal qualification of high-risk AI systems in relation to conditional early release. The declarative nature of the requirement for human oversight without its procedural operationalization and the absence of mechanisms for independent data audits for discriminatory biases. For the first time in Russian doctrine, the concept of "redistribution of discretion" has been substantiated, which is a latent shift of actual authority from the court to the developers of algorithmic models, who do not bear procedural responsibility for a specific law enforcement decision. Empirical data from Finnish and Spanish studies refute the thesis about the priority of algorithmic selection accuracy: the effectiveness of conditional early release is determined by the quality of post-prison support. The authors substantiate a direct legislative ban on making decisions on conditional early release solely based on automated data processing and suggest reorienting AI from predicting recidivism to personalizing probation programs.

Keywords: algorithmic risk assessment, parole, artificial intelligence in criminal justice, human oversight, redistribution of discretion, penal enforcement law, algorithmic decision-making.

Введение

Интеграция алгоритмических инструментов оценки риска рецидива в процедурах условно-досрочного освобождения (да-лее – УДО) актуализирует острую правовую проблему – участие непрозрачных вычислительных систем в принятии решений, затрагивающих право человека на свободу. По данным Агентства ЕС по основным правам (FRA), к 2025 году в семи государствах – членах ЕС задокументированы 31 цифровой инструмент и система в сфере правосудия (включая инструменты оценки риска, видеозаседания и электронное делопроизводство). В Казахстане за 2020–2025 годы судами рассмотрено 32 048 ходатайств об условно-досрочном освобождении, из которых удовлетворено 15 248 (47,6%).

Несмотря на общий показатель, анализ динамики выявил качественный переход в последний год рассматриваемого периода: в 2025 году доля удовлетворенных ходатайств достигла исторического максиму-ма в 53,9%. При этом критерии принятия решений по-прежнему сформулированы обобщенно – оценка личности, поведения и степени исправления, что оставляет значительное пространство судебного усмотрения и обусловливает высокую вариативность исходов. В отсутствие прозрачных алгоритмических инструментов такая статистика подтверждает императивный запрос на внедрение стандартов аудита данных и «человеческого контроля», чтобы избежать неконтролируемого перераспределения дискреции при принятии решений о свободе личности.

Актуальность темы определяется расхождением между растущим практическим спросом на научно обоснованные стандар-

ты применения ИИ в уголовном судопроизводстве и неспособностью существующей правовой доктрины этот спрос удовлетворить: Казахстан намерен внедрять цифровые инструменты поддержки решений, однако ни концептуальной модели их допустимого использования в процедурах УДО, ни критериев соответствия конституционным гарантиям отечественная наука не выработала.

Степень разработанности проблемы в отечественной науке невысока: работы по алгоритмизации казахстанского уголовного правосудия единичны, специальных исследований применения ИИ в процедурах УДО нет. В зарубежной литературе тема развивается с 2016 года, однако сравнительные исследования, охватывающие постсоветские и европейские системы, практически отсутствуют.

Научная новизна работы состоит в следующем: впервые проводится системный сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования применения искусственного интеллекта в процедурах УДО применительно к казахстанской правовой системе через призму стандартов ЕС и Совета Европы. Предлагаемая концепция «перераспределения дискреции» не имеет аналогов в отечественной правовой доктрине.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретическую основу исследования составляют труды в области криминологии, цифрового права и сравнительного уголовно-исполнительного права: D. A. Andrews и J. Bonta [1], J. Dressel и H. Farid [2], K. Hannah-Moffat [3], P. Ugwudike [4], M. Hamilton [5], A. Chouldechova [6], C. Rudin [7], T. C. Guiney [8], а также казахстанских авторов – А. Мухамадиева [9].

Нормативную базу образуют: Регламент (ЕС) 2024/1689 о гармонизированных правилах в области искусственного интеллекта [10]; Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека 2024 года [11]; Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте»[2]; Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан[3]. Практическую базу составляют судебная статистика Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан за 2020–2025 годы [12] и доклад Агентства Европейского союза по основным правам (2025) [13].

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы, применение каждого из которых обусловлено конкретными задачами исследования.

Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении нормативных моделей регулирования ИИ в уголовном судопроизводстве в праве ЕС (Регламент 2024/1689, Рамочная конвенция Совета Европы 2024 года) и в казахстанском праве (закон об ИИ, УИК РК). Применение метода позволило выявить три принципиальных нормативных разрыва между систермами: в правовой классификации ИИ-систем высокого риска, в операционализации требования надзора человека и в механизмах независимого аудита данных.

Формально-юридический метод использовался при доктринальном анализе конкретных норм Регламента ЕС, Рамочной конвенции Совета Европы и казахстанского закона об ИИ на предмет их соответствия требованиям правовой определенности, полноты и непротиворечивости. Результатом применения метода стало установление того, что декларированное в казахстанском праве требование надзора человека лишено операционального содержания: действующее законодательство не содержит процессуального механизма документирования человеческого надзора, критериев оценки корректности алгоритмических рекомендаций, а также правовых последствий принятия решения вопреки либо исключительно на основании алгоритмического вывода.

Метод правовой и судебной статистики применялся для количественного анализа данных Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК о практике рассмотрения ходатайств об УДО за 2020–2025 годы. Статистический анализ позволил обнаружить значительную межрегиональную и межсудебную вариативность при отсутствии унифицированных критериев оценки, что подтверждает практическую востребованность стандартизированных инструментов поддержки решений и одновременно – риск усиления этой вариативности при алгоритмизации без надлежащего правового сопровождения.

Методы анализа и синтеза применялись при исследовании алгоритмических инструментов оценки риска и механизмов

[2] *Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте» // Информационно-правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230 (дата обращения: 01.02.2026).*

[3] *Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V // Информационно-правовая система «Әділет». – URL:*

https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234 (дата обращения: 01.02.2026).

правовой ответственности. Анализ позволил расчленить предмет исследования на составляющие – технические ограничения алгоритмов, правовые гарантии, организационные процедуры – и изучить каждую из них самостоятельно. Синтез обеспечил интеграцию полученных результатов в целостную концепцию «перераспределения дискреции», описывающую, как алгоритмизация смещает фактическое влияние на формирование судебного решения к разработчикам модели и владельцам данных, не несущим процессуальной ответственности.

Методы индукции и дедукции применялись на взаимодополняющих основаниях. Индуктивный метод использовался при обобщении эмпирических данных о практике УДО в Казахстане, а также криминологических данных о рецидивизме из финского и испанского исследований [14], что позволило сформулировать общий вывод о приоритете качества постпенитенциарного сопровождения над точностью алгоритмического прогнозирования. Дедуктивный метод применялся при переносе установленных зарубежных закономерностей (воспроизводство дискриминационных смещений, феномен «рассеивания ответственности») на казахстанский контекст в отсутствие собственной правоприменительной практики, что позволило смоделировать три регуляторных риска, неизбежно возникающих при внедрении алгоритмических инструментов без специального правового регулирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сравнительный анализ алгоритмических инструментов оценки риска рецидива позволил установить их системные ограничения, принципиальные для правовой оценки. Во-первых, прогностическая точность алгоритмов третьего поколения (COMPAS) не превышает точности простейших двухфакторных моделей. Во-вторых, математически доказана принципиальная невозможность одновременного обеспечения предсказательного равенства и равенства ошибок при различающихся базовых показателях рецидива в разных группах населения – так называемая «невозможность справедливости».

Рамочная конвенция Совета Европы обязывает государства-участников: обеспечить оспариваемость ИИ-решений, затрагивающих права человека, перед компетентным органом; запретить принятие окончательных правоприменительных решений исключительно на основании алгоритмического вывода. Пояснительный доклад к конвенции называет уголовное правосудие сферой, где требование объяснимости носит безусловный характер.

Применение алгоритмических инструментов непосредственно в процедурах освобождения в государствах – членах ЕС остается ограниченным. В частности, Испания прекратила применение предиктивной системы Veripol в октябре 2024 года, официально сославшись на отсутствие ее признания в судебном процессе и последовавшее регуляторное ужесточение в связи с AI Act [15]. Установлено, что нормативная модель ЕС предусматривает комплекс правозащитных гарантий применения ИИ в уголовном правосудии – человеческий надзор, прозрачность алгоритмов, аудит данных и возможность оспаривания решений.

Анализ действующего законодательства Республики Казахстан и практики применения условно-досрочного освобождения позволяет отметить несколько характерных тенденций. В последние годы в стране последовательно развивается инфраструктура цифрового правосудия, в рамках которой внедряются новые аналитические инструменты и технологические решения, в том числе системы электронного делопроизводства и аналитической поддержки принятия решений в судебной системе.

Вместе с тем нормативное регулирование данной сферы остается неполным. Принятый Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте», закрепляя общие принципы безопасности использования технологий и риск-ориентированного регулирования, не содержит специальных положений, прямо определяющих поря-док применения алгоритмических инструментов в процедурах условно-досрочного освобождения.

Действующая правовая модель условно-досрочного освобождения в Республике Казахстан предполагает реализацию судом оценочных полномочий в пределах материальных условий, установленных уголовно-исполнительным законодательством. Решение о применении УДО принимается судом при соблюдении предусмотренных законом критериев, включая фактическое отбытие определенной части наказания и анализ степени исправления осужденного.

Рассмотрение ходатайства об услов-но-досрочном освобождении осущест-вляется в судебном заседании с участием прокурора и других заинтересованных лиц в порядке, определенном уголовно-про-цессуальным законодательством. Введение

алгоритмических рекомендаций в данную процедуру без закрепления их процессуального статуса и без установления правил их исследования в судебном заседании может вызвать неопределенность в отношении их доказательственного значения и роли в формировании судебного решения.

Описанная ситуация порождает три взаимосвязанных регуляторных риска. Первый – риск ненадлежащего использования: внедрение алгоритмических инструментов без специального регулирования способно де-факто привести к принятию реше-ний на основе непрозрачных выводов при сохранении лишь формальной судебной ответственности. Второй – риск предвзятости: при использовании национальных массивов судебной статистики без предварительной правовой и методологической валидации существует риск закрепления ранее сложившихся различий в правоприменительной практике. Третий – риск перераспределения дискреции: алгоритмизация способна сместить фактическое влияние на формирование внутреннего убеждения суда при оценке доказательств в сторону разработчиков модели и владельцев данных при сохранении формальной компетенции суда.

Сравнительный анализ правового регулирования применения ИИ в процедурах условно-досрочного освобождения

Таблица 1

Параметр	Европейский союз	Республика Казахстан
Нормативная основа	Регламент (ЕС) 2024/1689; Рамочная конвенция Совета Европы 2024 г.	Закон «Об ИИ» № 230-VIII (2025); УИК РК; УПК РК
Правовая квалификация ИИ в УДО	Высокорисковая система (Прил. III, п. 8) – расширенный режим требований	Специальная квалификация отсутствует; действуют общие нормы закона об ИИ
Надзор человека	Обязателен (ст. 14); запрет automation bias; право оператора игнорировать вывод системы	Декларирован как принцип; процедурная операционализация для УДО отсутствует
Прозрачность / объяснимость	Ст. 13 и 86: раскрытие логики решений; право лица на объяснение роли ИИ	Декларативный принцип; специальное процессуальное регулирование применения ИИ-инструментов в уголовном судопроизводстве отсутствует
Аудит данных на смещения	Ст. 10: очистка обучающих данных от дискриминационных смещений обязательна	Требование не предусмотрено
Оспаривание ИИ-решения	Рамочная конвенция, ст. 14; Регламент, ст. 86;	Общие процессуальные механизмы обжалования с использованием ИИ не предусмотрены
Оценка воздействия на права человека	Ст. 27: обязательна до развертывания системы	Применительно к ИИ в уголовном правосудии не предусмотрена

ОБСУЖДЕНИЕ

В современной научной литературе широко распространено мнение о недопустимости подмены индивидуализированного судебного решения алгоритмическим выводом в делах, связанных с ограничением свободы личности. В то же время указанная позиция не является бесспорной и продолжает активно обсуждаться в научной среде.

Часть исследователей связывает перспективы применения алгоритмических инструментов с возможностью уменьшения субъективной вариативности судебного усмотрения.

C. Rudin аргументированно доказывает, что использование алгоритмических «черных ящиков» фактически блокирует для осужденного возможность содержательно-

го оспаривания оценки [7]. Эта техническая проблема неизбежно трансформируется в правовую плоскость, вступая в противоречие с жесткими требованиями Регламента ЕС.

В то же время некоторые зарубежные исследователи указывают, что применение алгоритмических инструментов способно уменьшить степень произвольности в принимаемых решениях. Обобщая представленные научные позиции, можно отметить, что ключевой вопрос заключается не в полном отказе от использования технологий, а в определении границ их допустимого и вспомогательного применения.

В рамках настоящего исследования выдвигается тезис о том, что внедрение систем искусственного интеллекта не устраняет дискреционный характер принятия решений. Алгоритмизация способна приводить к скрытому перераспределению дискреции: фактическое влияние на формирование решения частично смещается от судебных органов к разработчикам алгоритмических моделей и владельцам данных, которые при этом не несут процессуальной ответственности за последствия конкретного правоприменительного решения. В научной литературе подобная ситуация описывается термином «рассеивание ответственности» (diffusion of accountability).

В научной литературе отсутствует единая позиция относительно того, следует ли рассматривать «рассеивание ответственности» как неизбежное следствие алгоритмизации правоприменительных процессов либо как проблему, обусловленную недостаточной нормативной регламентацией. Часть исследователей полагает, что четкое распределение обязанностей между поставщиком системы и ее оператором, предусмотренное, в частности, в Акте ЕС об искусственном интеллекте (ст. 16–19, 26), позволяет сохранить необходимый уровень подотчетности даже при использовании алгоритмических инструментов поддержки решений. Fink, однако, показывает, что архитектура Регламента порождает риск обратного эффекта: каждый участник цепочки ссылается на ответственность другого, в итоге реальная подотчетность не концентрируется, а растворяется. Ugwudike и Hannah-Moffat идут дальше, указывая, что проблема принципиально не решается перераспределением юридических обязательств между акторами – она коренится в том, что сами критерии риска, заложенные в модели, воспроизводят структурное неравенство, невидимое ни провайдеру, ни оператору, ни суду [3; 4].

Эта позиция находит подтверждение и в отечественной доктрине. В ходе анализа казахстанской платформы LegalExpert.kz исследователи приходят к выводу, что ИИ не может рассматриваться как самостоятельный источник доказательства, а его выводы носят вероятностный характер и не соотносятся напрямую со стандартом последовательной достоверности, основанным на убеждении суда. Предложенная авторами классификация уровней обработки базовой аналитики – от вспомогательно-информационного до условно-автономного – наглядно показывает, что итоговое делегирование правоприменительного алгоритма недопустимо ни на каком из существующих уровней и лишь возможно «в соответствии и при наличии специального нормативного регулирования» [16].

Для Казахстана это означает: нормативная база применения алгоритмических инструментов в УДО должна с самого начала предусматривать трехуровневое разграничение ответственности. В целях обеспечения процессуальной определенности представляется целесообразным нормативно закрепить разграничение ответственности участников применения алгоритмических инструментов в процедурах условно-досрочного освобождения, установив:

– ответственность разработчика (поставщика системы) за корректность алгоритмической модели, валидность используемых данных и соответствие системы установленным требованиям;

– ответственность оператора за соблюдение правил эксплуатации системы, корректность ее использования и профессиональную подготовку персонала;

– сохранение за судом исключительной компетенции по принятию итогового правоприменительного решения на основе совокупности доказательств, исследованных в судебном заседании.

Если концепция «перераспределения дискреции» объясняет, к кому переходит полномочие принимать решение, то следующий вопрос состоит в том, обладает ли алгоритмическое прогнозирование рецидива тем качеством, ради которого это перераспределение могло бы быть оправдано. Эмпирические данные дают отрицательный ответ. Финское когортное исследование с пятилетним периодом наблюдения показало, что программы контролируемой пробационной свободы, интегрирующие надзор

и социальную поддержку, обеспечивают показатель рецидива 33,8% против 52,8% в контрольной группе – за счет качества постпенитенциарного сопровождения, а не точности алгоритмического отбора [17]. Исследование на испанских данных (N > 22 000) с применением методов каузального вывода установило, что предоставление условного освобождения значимо снижает вероятность рецидива даже при умеренном уровне риска [18].

Данные выводы вступают в прямую полемику с позицией ряда исследователей, полагающих, что точный алгоритмический отбор кандидатов на освобождение сам по себе снижает рецидив за счет исклю-чения высокорисковых лиц. Walk и Dagan, анализируя решения советов по условному освобождению, показывают, что учет риска рецидива остается значимым предиктором повторного нарушения [19].

Вместе с тем результаты финских и испанских исследований ставят под сомнение указанный тезис применительно к системному функционированию института условно-досрочного освобождения. Полученные данные показывают, что ни точность алгоритмического прогнозирования, ни строгость порогов допуска к освобождению сами по себе не определяют эффективность УДО. Более значимым фактором выступает качество постпенитенциарного сопровождения освобожденных лиц. В этой связи перспективным направлением применения искусственного интеллекта представляется использование алгоритмических инструментов для персонализации программ пробационного надзора и реабилитации, а не прогнозирование рецидива как таковое.

Сопоставление европейских практик показывает наличие различий в научных подходах к определению роли алгоритмических инструментов в процедурах освобождения. Часть исследователей, поддерживающих технологическую интеграцию, полагает, что использование таких инструментов может способствовать большей согласованности принимаемых решений и уменьшению влияния субъективных факторов в деятельности сотрудников пробации.

Ugwudike P., однако, показывает, что этот аргумент предполагает техно-реформистскую логику, игнорирующую структурные причины неравенства в правоприменении. Fernando R., сравнивая опыт Англии и Франции, устанавливает, что качество профессионального взаимодействия специалиста с осужденным оказывает большее влияние на результат пробации, чем применяемый инструмент формальной оценки риска, причем данный вывод устойчив при контроле по типу инструмента и строгости надзора. Guiney T. C. дополнительно указывает на институциональную дилемму: советы по освобождению оказываются между давлением алгоритмической рекомендации и требованием индивидуализированного судебного решения, и эта дилемма не разрешается ни запретом алгоритмов, ни их безоговорочным принятием [8]. Для Казахстана ключевой урок состоит в том, что государства с развитой традицией судебного усмотрения при освобождении избегают прямого делегирования решений алгоритму – и именно это распределение ролей должно быть закреплено нормативно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сформулировать теоретические выводы, практические выводы и рекомендации по совершенствованию законодательства.

Во-первых, системный сравнительно-правовой анализ нормативных моделей ЕС и Казахстана установил, что Регламент (ЕС) 2024/1689 и Рамочная конвенция Совета Европы 2024 года формируют обязательный правозащитный стандарт применения ИИ в уголовном судопроизводстве – надзор человека, прозрачность, аудит данных, право оспаривания, – который в казахстанском праве применительно к процедурам УДО отсутствует. Несмотря на декларацию принципа человеческого надзора в казахстанском законе об ИИ, формально-юридический анализ свидетельствует о дефиците его операционального содержания. В частности, законодательно не регламентированы ни процедура осуществления такого надзора, ни правовые последствия игнорирования алгоритмических рекомендаций.

Во-вторых, разработанная концепция «перераспределения дискреции» показывает механизм, посредством которого алгоритмизация правоприменительных решений не устраняет, а воспроизводит проблему произвольности: дискреция смещается от суда к разработчикам модели и владельцам данных, которые не несут процессуальной ответственности за конкретное решение. Это явление не устраняется разграничением юридических обязательств провайдера и оператора по образцу Регламента ЕС, поскольку коренится в структурных диспропорциях, закрепленных в обу-

чающих данных. Результаты эмпирических исследований показывают, что стабильность применения условно-досрочного освобождения в значительной степени зависит от эффективности постпенитенциарного сопровождения и функционирования реабилитационных механизмов. При этом алгоритмические могут рассматриваться лишь как вспомогательное средство информационной поддержки суда и не способны заменять самостоятельную оценку обстоятельств дела, осуществляемую судьей.

Анализ практики применения условно-досрочного освобождения в Республике Казахстан за 2020–2025 годы показывает значительную вариативность судебных решений, обусловленную отсутствием единых критериев оценки.

Принятие судебного решения на основе алгоритмической рекомендации, не раскрытой и не проверенной в суде, должно рассматриваться как нарушение принципа непосредственности судебного разбирательства, закрепленного в ст. 77 Конституции Республики Казахстан, и выступать самостоятельным основанием для отмены соответствующего судебного постановления в апелляционном порядке. Это обеспечит операциональное содержание декларированного принципа надзора человека, в настоящее время лишенного правовой силы. В-третьих, ввести обязательную независимую аудиторскую проверку алгоритмических инструментов на предмет дискриминационных смещений по признакам этнической принадлежности, пола и социально-экономического положения – до начала эксплуатации и не реже одного раза в три года. В-четвертых, переориентировать применение ИИ в сфере УДО с прогнозирования рецидива на персонализацию программ пробационного надзора и реабилитации, что согласуется с доказательной базой об определяющей роли постпенитенциарного сопровождения. В-пятых, рассмотреть вопрос о присоединении Казахстана к Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте в целях создания международно-правового контрольного механизма и стимулирования системного развития национального регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Andrews D.A., Bonta J. The Psychology of Criminal Conduct. – 5th ed. – Newark: LexisNexis, 2010. – 700 p. https://doi.org/10.4324/9781315721279 (дата обращения: 18.02.2026).

2. Dressel J., Farid H. The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism // Science Advances. – 2018. – Vol. 4. – № 1: eaao5580. https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580 (дата обращения: 11.03.2026).

3. Hannah-Moffat K. Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates // Theoretical Criminology. – 2018. – Vol. 23. – № 2. https://doi.org/10.1177/1362480618763582 (дата обращения: 03.03.2026).

4. Ugwudike P. Predictive Algorithms in Justice Systems and the Limits of Tech-Reformism // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2022. – Vol. 11. – № 1. – P. 85–99. https://www.crimejusticejournal.com/article/view/2189 (дата обращения: 04.03.2026).

5. Hamilton M. Evaluating Algorithmic Risk Assessment // New Criminal Law Review. – 2021. – Vol. 24. – № 2. – P. 156–211. https://www.researchgate.net/publication/355970303_Evaluating_Algorithmic_Risk_Assessment (дата обращения: 04.03.2026).

6. Chouldechova A. Fair Prediction with Disparate Impact: A Study of Bias in Recidivism Prediction Instruments // Big Data. – 2017. – Vol. 5. – № 2. – P. 153–163. https://doi.org/10.1089/big.2016.0047 (дата обращения: 10.03.2026).

7. Rudin C. Stop Explaining Black Box Machine Learning Models for High-Stakes Decisions and Use Interpretable Models Instead // Nature Machine Intelligence. – 2019. – Vol. 1. – № 5. – P. 206–215. https://doi.org/10.1038/s42256-019-0048-x (дата обращения: 03.02.2026).

8. Guiney, T.C. (2023). Parole, parole boards and the institutional dilemmas of contemporary prison release. Punishment and Society, 25(3), 621-640. https://doi.org/10.1177/14624745221097371 (дата обращения: 11.03.2026).

9. Mukhamadieva A. Integration of Artificial Intelligence into Criminal Procedure Law and Practice in Kazakhstan. Laws 2025, 14(6), 98; https://doi.org/10.3390/laws14060098 (дата обращения: 21.02.2026).

10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/

EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 01.02.2026).

11. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). – Vilnius, 5 September 2024. – URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/225 (дата обращения: 01.02.2026).

12. Комитет уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Казахстан. Статистический отчет об условно-досрочном освобождении и смягчении наказания (2020–2025). – Астана, 2025. – URL: https://kuis.gov.kz (дата обращения: 01.02.2026).

13. European Union Agency for Fundamental Rights. Assessing High-Risk Artificial Intelligence: Fundamental Rights Risks. – Luxembourg: Publications Office of the EU, 2025. – 98 p. – URL: https://fra.europa.eu/en/publication/2025/ai-fundamental-rights (дата обращения: 01.02.2026).

14. Karimi-Haghighi, M., Castillo, C., Tolan, S. And Lum, K., Effect of conditional release on violent and general recidivism: A causal inference study, Journal of quantitative criminology, 21, 2, 2025, p. 407–449, Springer/Plenum publishers, https://data.europa.eu/doi/10.1007/s11292-023-09596-4, JRC130718. (дата обращения: 11.03.2026)

15. Fernando R. Desistance from Crime and Probation Supervision: Comparing Experiences of English and French Probationers // Probation Journal. – 2021. – Vol. 68. – № 2. – P. 224–242. https://globcci.org/wp-content/uploads/2021/08/Crime-Desistance-Probation-Supervision-Among-French-English-Probationers-2021.pdf

16. Муканов М. Р. Разработка ИИ-платформы для анализа судебной практики и прогнозирования исходов дел // Вестник Академии правосудия. – 2026. – № 1 (13). – С. 60–74.

17. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Counterfactual Explanations without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR // Harvard Journal of Law & Technology. – 2018. – Vol. 31. – № 2. – P. 841–887. https://doi.org/10.2139/ssrn.3063289 (дата обращения: 17.02.2026).

18. Järveläinen E., Rantanen T., Toikko T. Finnish Supervised Probationary Freedom as Support for a Desistance from Crime // European Journal of Probation. – 2024. – Vol. 16. – № 2. – P. 115–134. https://vlex.co.uk/vid/finnish-supervised-probationary-freedom-1069632710 (дата обращения: 17.02.2026).

19. Walk D., Dagan N. Rehabilitation vs. Risk: What Predicts Parole Board Decisions? // Punishment & Society. – 2024. – Vol. 26. – № 5. – P. 769–789. https://doi.org/10.1177/14624745231213859 (дата обращения: 12.02.2026).

REFERENCES:

1. Andrews D.A., Bonta J. The Psychology of Criminal Conduct. – 5th ed. – Newark: LexisNexis, 2010. – 700 p. https://doi.org/10.4324/9781315721279 (data obrashcheniya: 18.02.2026).

2. Dressel J., Farid H. The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism // Science Advances. – 2018. – Vol. 4. – № 1: eaao5580. https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580 (data obrashcheniya: 11.03.2026).

3. Hannah-Moffat K. Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates // Theoretical Criminology. – 2018. – Vol. 23. – № 2. https://doi.org/10.1177/1362480618763582 (data obrashcheniya: 03.03.2026).

4. Ugwudike P. Predictive Algorithms in Justice Systems and the Limits of Tech-Reformism // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2022. – Vol. 11. – № 1. – P. 85–99. https://www.crimejusticejournal.com/article/view/2189 (data obrashcheniya: 04.03.2026).

5. Hamilton M. Evaluating Algorithmic Risk Assessment // New Criminal Law Review. – 2021. – Vol. 24. – № 2. – P. 156–211. https://www.researchgate.net/publication/355970303_Evaluating_Algorithmic_Risk_Assessment (data obrashcheniya: 04.03.2026).

6. Chouldechova A. Fair Prediction with Disparate Impact: A Study of Bias in Recidivism Prediction Instruments // Big Data. – 2017. – Vol. 5. – № 2. – P. 153–163. https://doi.org/10.1089/big.2016.0047 (data obrashcheniya: 10.03.2026).

7. Rudin C. Stop Explaining Black Box Machine Learning Models for High-Stakes Decisions and Use Interpretable Models Instead // Nature Machine Intelligence. – 2019. – Vol. 1. – № 5. – P. 206–215. https://doi.org/10.1038/s42256-019-0048-x (data obrashcheniya: 03.02.2026).

8. Guiney, T.C. (2023). Parole, parole boards and the institutional dilemmas of contemporary prison release. Punishment and Society, 25(3), 621-640. https://doi.org/10.1177/14624745221097371 (data obrashcheniya: 11.03.2026).

9. Mukhamadieva A. Integration of Artificial Intelligence into Criminal Procedure Law and Practice in Kazakhstan. Laws 2025, 14(6), 98; https://doi.org/10.3390/laws14060098 (data obrashcheniya: 21.02.2026).

10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202401689 (data obrashcheniya: 01.02.2026).

11. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). – Vilnius, 5 September 2024. – URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/225 (data obrashcheniya: 01.02.2026).

12. Komitet ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Kazakhstan. Statisticheskiy otchot ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii i smyagchenii nakazaniya (2020–2024). – Astana, 2025. – URL: https://kuis.gov.kz (data obrashcheniya: 01.02.2026).

13. European Union Agency for Fundamental Rights. Assessing High-Risk Artificial Intelligence: Fundamental Rights Risks. – Luxembourg: Publications Office of the EU, 2025. – 98 p. – URL: https://fra.europa.eu/en/publication/2025/ai-fundamental-rights (data obrashcheniya: 01.02.2026).

14. Karimi-Haghighi, M., Castillo, C., Tolan, S. And Lum, K., Effect of conditional release on violent and general recidivism: A causal inference study, Journal of quantitative criminology, 21, 2, 2025, p. 407–449, Springer/Plenum publishers, https://data.europa.eu/doi/10.1007/s11292-023-09596-4, JRC130718. (data obrashcheniya: 11.03.2026)

15. Fernando R. Desistance from Crime and Probation Supervision: Comparing Experiences of English and French Probationers // Probation Journal. – 2021. – Vol. 68. – № 2. – P. 224–242. https://globcci.org/wp-content/uploads/2021/08/Crime-Desistance-Probation-Supervision-Among-French-English-Probationers-2021.pdf

16. Mukanov M.R. Razrabotka II-platformy dlya analiza sudebnoy praktiki i prognozirovaniya iskhodov del // Vestnik Akademii pravosudiya. – 2026. – No 1 (13). – S. 60–74

17. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Counterfactual Explanations without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR // Harvard Journal of Law & Technology. – 2018. – Vol. 31. – № 2. – P. 841–887. https://doi.org/10.2139/ssrn.3063289 (data obrashcheniya: 17.02.2026).

18. Järveläinen E., Rantanen T., Toikko T. Finnish Supervised Probationary Freedom as Support for a Desistance from Crime // European Journal of Probation. – 2024. – Vol. 16. – № 2. – P. 115–134. https://vlex.co.uk/vid/finnish-supervised-probationary-freedom-1069632710 (data obrashcheniya: 17.02.2026).

19. Walk D., Dagan N. Rehabilitation vs. Risk: What Predicts Parole Board Decisions? // Punishment & Society. – 2024. – Vol. 26. – № 5. – P. 769–789. https://doi.org/10.1177/14624745231213859 (data obrashcheniya: 12.02.2026).